

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual Nº 949917

Editor - Director
TATIANA K. DE DUBROWSKY
Monroe 4219, Dpto. 10
1430 Buenos Aires - Argentina

Suc. 30 (B)
Correo
Argentino

FRANQUEO PAGADO
Concesión Nº 4233
Concesión Nº 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXXIV Buenos Aires, viernes, 5 de febrero de 1982

Буэнос Айрес, пятница, 5 февраля 1982 № 1660

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

К М О Н А Р Х У

Первая и главная задача есть для нас та, которая была в русской истории сформулирована князем Симеоном Московским в словах: „Чтобы свеча не погасла!“ Надо сохранить нашу идею, дабы она светила вдаль как маяк всем, кто хочет к нашим берегам причалить; дабы она была костром, у которого может обогреться пришедший из ледяной пустыни; светом, озаряющим душу тех, кто живет в чуждом и холодном мире.

Кому наша правда не нужна, тем наши старания безразличны или, чаще, неприятны; порою и невыносимы. Но нам следует не бояться угроз и не слушать льстивых и лживых уговоров. Если вдуматься, самые эти угрозы и еще больше того — угрозы, доказывают, что за нами стоит пугающая врагов и соперников сила. Будь наша идея мертвой, сданной в архив, — зачем бы они так из кожи вон лезли с целью нам помешать ее выразить? Отчего бы такой страх и готовность на любые меры, лишь бы она не доходила до народа? Нас все уверяют, что она, мол, народу в СССР не подходит; а вот, мы с ним

когда-нибудь сами обсудим; тогда и поглядим на результаты; тогда все и выяснится.

А здесь, пока, нужно следить, чтобы нам нашу идею не исказить и не принижать. Ко всем, прибывающим сегодня, или имеющим прибыть завтра, мы должны быть готовы подойти с открытой душой, и ее им изложить на высоте; и в то же время их пожелания, предложения, вопросы, сомнения внимательно и благожелательно принять и учесть. Ни на минуту не забывая при этом, что российская монархия служит всем народам России; недаром наш царь помнил в своем титуле и Казань, и Сибирь, и другие свои многообразные владения. Если есть за русскими какой приоритет, то лишь таковой в обязанности жертвовать собой и своими интересами ради родины в целом и общего блага.

Нельзя нам забывать, что наша идея не есть отнюдь набор благочестивых воспоминаний о прошлом: она обращена к будущему, она есть путь к разрешению тяжелых проблем текущего момента, и в России и за рубежом. Наше дело — перекинуть

между славным прошлым и светлым грядущим мост через позорное и темное настоящее. Да разве и у нас, и у всех народов мира, не бывало и прежде тяжелых периодов? Не сказал ли пророчески А. К. Толстой: Россия беду переможет!

Для того необходима напряженная и целесообразная работа. Не будем впадать в малодушие, что нас мало (то есть, активных борцов за монархию; пассивных-то монархистов уйма): дело не в количестве, а в качестве. И чем труднее занимаемый нами пост, тем он и почетнее. Но не будем искать исключительных, особенных людей, в моральном или умственном отношении. Была бы вера и воля к действию; остальное приложится.

Наделано много ошибок; но не поздно их исправить. Например, если упущены целые поколения молодежи; милостью Божией, новые уже народились; посеем среди них наши взгляды, начиная с самых младших, — урожай с такого труда даром не пропадет...

Итак, на нас возложено сохранить нашу идею живой и нержавеющей, откидывая предрассудки, отвергая узоветь, и беря все новое, что может оказаться полезным. Но хранить — лишь временный этап. Надлежит ее перекинуть на родину, свя-

заться с нашими единомышленниками там. Это, если и трудно, то не невозможно.

А мы теперь знаем, что их под советским гнетом число-то весьма значительное; хотя о том, насколько спаянных и организованных, нам ничего не известно; скорее всего, они расплывлены и разобщены; и, в большинстве, дезинформированы тоже.

В этой работе пусть нас не ослепляет страх перед провокаторами; не то он парализует нашу энергию. Риск провокации есть всегда; для отпора ей служат здравый смысл и боевой опыт (а сей последний, опять-таки, приобретает в борьбе). Пусть не останавливает нас и опасение повредить нашим друзьям в СССР; без потерь успех недостижим. Забота о них на нашей совести; но нельзя соглашаться проиграть войну с тем, чтобы сохранить жизнь солдата!

Момент сейчас именно такой, который императивно предписывает монархистам эмиграции найти конкретные пути сношений с монархистами внутри России; только вместе мы сдвинем воз с места. И, безусловно, сегодня это легче сделать, чем вчера; а завтра — в руке Господней!

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

Д. ИНОЗЕМОВ

ЗА ВЛАСТЬ-ВРЕМЯ

Ленин говорил: „поскреби инога коммуниста и откроешь в нем великого русского шовиниста“. Но даже если это было бы и впрямь так — хрен редьки не слаще. Хватит нам крайностей и великих потрясений. Нам бы Царя-Батюшку, самодержца, которому власть от Бога, а не от партии. И милость и милосердие и благодать тоже от Бога. Власти никакими бумажными, человеческого ума и ограниченности конституциями не ограничивают. И 50 умных губернаторов, которых рекомендовал Карамзин, вместо конституции, предложенной Сперанским императору Александру Первому... То есть, люди нужны с доброй головой и умным сердцем (не опечатка!), которые перед серьезным решением Богу молятся и совет свою запрашивают, а не бюрократические учреждения и бюрократическая безличность, при которой ни виновных, ни ответственных обнаружить невозможно. Последними и начинена практикуемая ныне демократия, уже не говоря о коммунистической партотратии.

Шовинизм среднему русскому человеку так же чужд, как и коммунизм. Достоевский ратовал за рус-

ского европейца. Не западника, Запад копирующего, а наоборот: за шовинистической европейской череполощицей присматривающего, а также об одухотворении Европы истинной благодатью пекущегося. Горе, что сейчас русский человек и со своей бедой (тем же Западом ему навязанной) сладить не может. Но Бог не без помощи, и да грядет Царь Русский, но и Всероссийский! Не как шовинист отвечал же великорусский Царь: „евреи — тоже мои подданные“?

И да сгинут все ненависть проповедующие, стремящиеся к власти любой ценой: выборов, крови, лжи, лаячества...

За желанную власть надо платить эту власть дающему: партии или тем, кто финансирует предвыборную кампанию.

Только власть-время, наследственная или в силу обстоятельств упавшая на Избранника, не искавшего ее, а потому свободного от уз человеческих и только перед Богом ответственного, может быть благодатной.

Д. ИНОЗЕМОВ

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

О ТОМ, КАК ПЕРЕСПОРИТЬ

Твердокаменные идеалисты-коммунисты — порода некогда более распространенная, все еще изредка встречается. Она поражает своей непробиваемостью. Такие коммунисты являются идеальным объектом для оттачивания аргументации любого здравомыслящего реалиста. Заранее предупреждаю: не отчаивайтесь, если полного успеха, открытого признания вашей правоты вы не дожидаетесь. Но как экзамен на выносливость и изобретательность вашу он незаменим: он останется при своем мнении перед любой очевидностью. В Советском Союзе ничего не вышло? У нас выйдут. Мы же умнее, способнее, порядочнее, организованнее, свободнее, любивее, чем — смотря по национальности вашего оппонента — русские, китайцы и прочие. Но даже в России есть такие, что винят во всех провалах советских начинаний... несовершенство человеческое! Чрезвычайно знаменательно, что „настоящий советский человек“ в их идеале должен был бы быть носителем всех добродетелей христианских. Он должен быть честным, добрым, порядочным, самоотверженным и т.д. — и тогда рай на земле обеспечен: не понадобится больше контроля, принужде-

ния и „блата“.

И вот тут, вместо того, чтобы с ним спорить, попробуем согласиться и выяснить, как же можно к этому прийти, раз, по видимому, две трети века применяемые в России методы положительного результата не дали — а совсем наоборот. Даже советская статистика и пресса не замолкает о пьянстве, хулиганстве, экономических и бытовых преступлениях, растратах, хищениях, безответственности, лени и наплевательстве. Утешительно, если в результате такой беседы „твердолобый коммунист-идеалист“ договорится до того, что изменен человек должен быть изнутри, в душе, а не извне — бытом и условиями. Не старайтесь, чтобы к вашей гордости собеседник ваш признал себя побежденным — достаточно, если он будет уверен, что вас победил в споре об истинных ценностях человеческих. Пока анонимно-христианских. А потом помолитесь, чтобы Христос позвал его Себе служить. Уже открыто.

В Оводов (Бразилия)

ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ?

Тучи на политических горизонтах сгущаются. Готовы ли мы к возможной близкой грозе? С кем нам

Я. ТЕЛЬНОВ

ЧТО БЫЛО И ЧЕГО НЕ БЫЛО

Ценный анализ книги Р. Пайпса "Россия при старом режиме" сделал профессор М. Г. Шефтель, который известен в США, как высококвалифицированный знаток русской истории. Он напечатал на английском языке в журнале *Canadian Slavic Review* большую статью под названием "Две отрицательные оценки дореволюционного развития России". Речь идет о двух книгах: упомянутой Пайпса и Эдуарда Кранкшо — "Тень зимнего дворца". Но главное внимание уделено книге Пайпса.

ВОТЧИННОЕ ГОСУДАРСТВО

С точки зрения русских историков (Соловьев, Кавелин, Чичерин, да и Ключевский тоже) "вотчинный" или удельный период предшествовал созданию государства. Централизация Московской Руси сопровождалась постепенным изживанием удельных княжеств и завершилась образованием национального государства, сплоченного этническим и религиозным единством. По Пайпсу же произошло как раз наоборот: закончилось завершение вотчинного принципа, когда собственность великих московских князей, а потом царей, распространилась на всю страну. Пайпс исходит из того, что московские князья, якобы, не имели никакого политического плана, а руководствовались единственно экономическими соображениями: как расширить свою собственность.

Такое упрощение вопроса неверно. В опровержение М. Шефтель пишет: "Начиная с 1389 г. (то есть со смерти Дмитрия Донского) в завещании московских князей доля старшего сына, то есть наследника престола, очень сильно превышала долю его братьев. Смысл этого ясен: обеспечить будущему правителю подавляющие средства для осуществления суверенной власти". И мы знаем, что в дальнейшем московские великие князья твердо держались этого принципа.

Пайпс не специалист по истории средних веков и толкует термины того времени в современном их понимании. Так, вотчина для него всегда частная собственность — *dominium* в

римском смысле, но это далеко не так: "вотчина понималась также и в более широком смысле, не как собственность, а как унаследованные от предков права". Точно также Пайпс неправильно толкует термин "холоп". Царские служащие, обращаясь к государю, называли себя его "холопами" и отсюда горе-историк сделал вывод, что они были его личными рабами. На самом деле это было только преувеличенное самоунижение. Когда в 1598 г. прекратилась династия Рюриковичей, то как раз ближайшее окружение царя, то есть в понимании Пайпса его "холопы", выбрали нового царя Бориса Годунова. "Рабы", имеющие прерогативу выбирать царя!

Еще более разительный пример Шефтель видит в 1613 году — самый, по его мнению "прекрасный". За отсутствием "хозяина", "земля", то есть население ее, обладает "суверенитетом" и происходят всенародные

Шефтель же о том же периоде пишет так: "Что же касается 17-го века с его Всенародными Соборами (совет всея земли), то тут, конечно, нельзя говорить о сеньориальной монархии". Далее он пишет, что весьма компетентный русский историк права Ф. Тарновский, начав свои исследования в Юрьеве, закончил их в 1925 г. в Сербии и пришел к выводу, что русская и французская монархии имеют много общего между собой. Сам Шефтель исследовал этот вопрос в работе "Российская и французская монархии 17-го века". Монархия Алексея Михайловича и Людовика 14-го были умеренными монархиями, но московская монархия была умеренной, как и французская, не благодаря действию формального закона, а благодаря обычаю. Кроме того в Москве продолжала существовать и после 1614 г. представительная система, когда во Франции (генеральные штаты) она была упразднена.

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

НЕЗАВИСИМЫЙ РУССКИЙ
ПРАВОСЛАВНЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 15

СОДЕРЖАНИЕ:

А. Солженицын: Из Узла 3 — Март семнадцатого. *Г. Ехлаков:* Козельщанское чудо. *Прот. А. Киселев:* О предстоящем прославлении новомучеников российских. *Архиепископ Антоний:* Прославление со святыми новомучеников и новых исповедников. *В. Алексеев и Ф. Ставру:* Русская православная Церковь на оккупированной немцами территории. *Прот. Д. Константинов:* Продолжение гонений на Церковь. *Епископ полтавский и кременчугский Феодосий:* Письмо ген. секретарю ЦК КПСС, предс. президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу. *В. Тростников:* Письма о болезни и исцелении. Окончание второго письма. *Д-р Э. Бройде:* Достоевский и Чехов. *Вл. Самарин:* Антибольшевицкие восстания. *Г. Андреев:* Об уроках не только Октября. *Икона в память Цесаревича Алексея и юных добровольцев.* *И. Шмелев:* К родной молодежи. *Русские книги за рубежом.* *Заметка:* Как находят молитвы.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА:

Rev. A. KISELEV
1000th Anniversary Committee, 322 West 108th Street
New York, N.Y. 10025. U.S.A.
Тел.: (212) 663-9093

по пути в борьбе с большевизмом? С кем нам по пути к подготовлению государственного уклада? Что по опыту российской истории следует возродить? Что, по нашему эмигрантскому мировому опыту достойно быть перенесенным (и может быть перенесенным) на родную почву, а что достойно категорического порицания? Не пора ли, не откладывая, четко все это сформулировать? Четко и разумно. Времена — "грудь в крестах или голова в кустах" — прошли. Да и голов стоящих мало и жаль их. Речь сейчас не о личном геройстве, а о судьбах России, и следовательно, *всего мира*. За нашу "мудрость" мы заплатили миллионами мучеников. Довольно! Экзальтировать молодежь героизмом отцов следует ли? Самоубийственная доблесть японского образца — это систематическое снижение качества генетического фонда нации. На примере Японии неплохо поучиться: героически погибли лучшие — нация стала преуспевающей беспринципно-торгашеской, а пассивная часть населения — безгласной армией рабочих муравьев.

А. Ефимова (Уругвай)

выборы новой династии.

Также Пайпс переводит слово "раб" в присяге членов духовной коллегии в 1921 г. английским словом *slave*, в то время как в церковно-славянском языке слово "раб" есть всего лишь "слуга Божий". Слово "раб" можно переводить по-английски *slave*, но не в этом контексте. На основе этих невежественных переводов Пайпс и взял эпиграфом к 4-й главе своей книги нелепое утверждение Герберштейна, что все люди считают себя холопами, то есть рабами (*slaves*) своего князя.

Далее Шефтель приводит мнение такого большого авторитета по истории Московского государства, как В. И. Сергеевич, который "полностью отклоняет толкование политической власти московских князей, как развидность частной собственности".

В другом месте Шефтель пишет, что "опять можно цитировать мнение Сергеевича, что деспотизм Иоанна Грозного должен восприниматься не как правило, а как исключение в политической системе Московского государства".

По Пайпсу в конце московского периода завершилось образование русского вотчинного государства,

на.

Далее Шефтель пишет, что вопрос о Московской системе специально изучал Ханс Иоаким Торке — историк с мировым именем и пришел к выводу, "что Россия в 17-ом веке не была ни ограниченной монархией, ни восточной деспотией. Царь не был ограничен формальным законом, но он был ограничен христианской религией и законами о наследстве".

Тот же Торке, после тщательного изучения, пришел к выводу, "что от 1613 по 1689 г., когда все важнейшие люди Москвы и часть стрельцов отклонились от Софии и перешли на сторону Петра, только московское общество, (а не Церковь, Я. Т.) находилось под влиянием государства, но ни в коем случае не было государством поглощено. (Марк Шефтель категорически отрицает утверждение Пайпса, повторяющего след за советскими историками, что после 1762 г. (воцарение Екатерины Второй) русская монархия перестала быть абсолютной и стала дворянской империей. Если бы это было так, крестьянская реформа 1861 г. не была бы возможной, но именно "лишь воля Александра Второго заставила

дворян сотрудничать с реформой".

Пайпс заканчивает свое повествование 1762 годом и далее переходит ко второй части своей книги: общество. Между тем именно с этого времени началась либерализация режима в России. С этого времени началось не укрепление "вотчинного хозяйства", а, наоборот, приближение России к государственным формам Европы. Шефтель указывает на "замечательную книгу проф. Виктора Леонтовича "История либерализма в России". В. Леонтович начинает свое повествование с того места, на котором Пайпс кончает — с царствования Екатерины Второй. Здесь дается яркая сильная картина, показывающая, что происходило не постепенное падение к полицейскому государству, как у Пайпса, а, наоборот, шло развитие по восходящей линии. "Самое важное у Леонтовича — это описание периода с 1865 по 1914 г. — время развития гражданских свобод (крестьянская реформа) и политической свободы (децентрализация и разделение власти)". Пайпс обошел даже великие реформы императора Александра Второго — перейдя с хронологического на тематическое изложение, Пайпс о крестьянской реформе сказал в главе о "Крестьянстве", о судебной и земской реформе в главе об "Интеллигенции", но он рассматривает их "не как элементы усовершенствования государственного устройства, а как конфликт между правительством и интеллигенцией, который привел к усилению политических репрессий". Шефтель видит здесь одну предвзятость, одно искажение.

С 1904 по 1917 год происходят великие преобразования: меняются основные законы, учреждается Государственная Законодательная Дума, происходит разделение власти на исполнительную, законодательную, судебную. М. Шефтель считает сокрытие этого периода в схеме Пайпса большим недостатком, нам же кажется, что со стороны историка это просто преступление.

БЕЗДОКАЗАТЕЛЬНЫЕ УТВЕРЖДЕНИЯ

Остановив свое повествование на 1762 г., во второй части своей книги ("общество") Пайпс анализирует все главные классы русского населения, чтобы доказать их ничтожность и неспособность "отобрать и обеспечить себе политические прерогативы, которые требовал для себя монарх".

В отношении крестьянства Пайпс утверждает, что "ни в какое время русское крестьянство не было таким якорем устойчивости, каким оно было во Франции и Германии" и подчеркивает его анархичность. На это утверждение Шефтель возражает: "Что же мы тогда скажем о крестьянских войнах 16-17 веков?" Что касается анархизма русского крестьянина, то со своей стороны скажу, что это никак не вяжется с его, якобы, "рабской природой", на которую больше всего нападает Пайпс. И еще одно утверждение Пайпса: "Нет никаких доказательств, что русский крестьянин любил землю". Шефтель возражает: эти доказательства густо рассыпаны в русской литературе и напоминает, что, крепостные говорили: "Мы ваши (т.е. помещика), а земля наша". К этому могу прибавить, что крестьяне создали свою философию: "Земля должна принадлежать тому, кто ее обрабатывает". или такие выражения, свидетельствующие о безграничной любви крестьянина к земле: "Мать сыра земля" или "Земля — кормилица" и т.д.

Пайпс также утверждает, что рус-

ские крестьяне "не знали ни Библии, ни даже "Отче Наш". На это Шефтель возражает, что русские крестьяне, во всяком случае, "Отче Наш" знали, так как каждое воскресенье слушали эту молитву в церкви, а я добавлю, не только слушали, но и пели и "Отче Наш" и "Верую". По личному опыту знаю, что крестьяне, особенно женщины, знали множество молитв на всякий случай жизни. В частности, они очень любили: "Да воскреснет Бог и расточатся врази Его". Даже пресловутый Синявский в одной из своих статей сообщил, что, когда он сидел в концлагере, то мужик (кочегар) приглашал его в кочегарку, где по закоулкам ютились верующие, а среди мужиков находились такие, которые наизусть читали целые главы из "Апокалипсиса".

Пайпс утверждает, что коммунистический режим успешно искоренил христианство из центра России, но доказательства этому не приводит, тогда как поступают совершенно противоположные сведения. Напомню, что и Папа Иоанн-Павел Второй сказал, что если где и сохранилась истинная вера, то это в России. Цель Пайпса ясна — показать русского крестьянина сущим дикарем, в то время как французский славист Пьер Паскаль, изучавший русское крестьянство полтора десятка лет, пришел, зная русский язык, к заключению, что крестьяне имели свою самобытную, хорошо развитую и законченную культуру.

У Пайпса можно обнаружить и самую заурядную клюкву. Так, он считает Царицын "императорским городом", тогда так это только его название, происходящее от слова царица. Говоря о налогах, он утверждает, что мешане платили подушный налог до 1775 г., тогда как они платили его до 1864-го. Это невнимание в русскую историю, говорит Шефтель, оказалось и в большем. Он иронизирует над утверждением Пайпса, что "большая часть русских дворян во все время истории по уровню жизни не отличались от крестьян".

ЦЕРКОВЬ В РУССКОЙ ИСТОРИИ

Шефтель отмечает полное игнорирование Пайпсом значения православной Церкви в русской истории. Он пишет: "Пайпс в своем анализе старательно избегает малейших ссылок на этическое влияние русской Церкви. А разве можно игнорировать этот аспект, когда речь идет об организме, цели которого носят духовный характер?" Такой подход понятен только у марксиста, или у атеиста. "Поэтому это обстоятельство неизбежно приходится приписать общему предвзято-отрицательному отношению Пайпса к русскому историческому прошлому". Тут мне вспоминается статья М. Бернштама "Упадок ремесла историка в новейшей западной историографии СССР" в "Вестнике РХД", № 127. Он пишет, что у западных историков в отношении России и СССР наблюдается заостренность в слове политическом и интеллектуальном и глухота к слову духовному. Огромное значение и влияние в русской истории православной Церкви почти не изучается, а у такого автора, как Пайпс, это влияние бездоказательно отвергается. В то же время при изучении истории Японии, Китая, Индии и других восточных стран влияние буддизма, конфуцианства, браманизма на развитие культур этих стран тщательно изучается. Между тем русская культура достигла большой высоты и своеобразия под благотворным влиянием православной Церкви. Мистическое сознание России воплощено в правосла-

вной Церкви и соборной преемственности церковного народа. В этом была главная нравственная сила России и вот почему сатанинские силы коммунизма в первую очередь обрушились на православную Церковь. С понятием о Боге связано бесчисленное множество народных пословиц и поговорок, что говорит о его высокой религиозности. "Без Бога ни до порога, а с Богом хоть за море ступай". Бог неотступно присутствовал в русской жизни. Всякое дело начиналось молебном, в котором испрашивалось Божие благословение и всякое дело тоже завершалось благодарственным молебном.

Из ряда неправильных утверждений Пайпса Шефтель поправляет еще одно: идея "Третьего Рима" никогда не становилась составной частью официальной политической доктрины Москвы. Она могла стать тенденцией церковной политики, но никак не официальной "московской политической доктриной", так как могла тянуть Москву в войну с Турцией — самой мощной военной державой в Восточной Европе до 1863 г.". И он приводит ответ Иоанна Грозного папскому послу Посевину: "Мы не желаем властвовать над миром".

У Пайпса, замечает Шефтель, с одной стороны совершенно инертное общество, а с другой совершенно революционная интеллигенция. Оба эти положения неправильны, особенно последнее... Среди интеллигенции были значительные неревolutionные элементы, например, земство, университетские преподаватели (да, вероятно, и студенты далеко не все были революционерами); либеральная пресса: "Вестник Европы", "Русская Мысль", "Русские Ведомости"; многие члены свободных профессий, а также независимые элементы бюрократии. Ничего этого Пайпс не замечает из-за "своей сосредоточенности на антагонизмах и контрастах". Но к тому, что им сказано об интеллигенции, я должен прибавить еще следующее. П. Садовский в своем отзыве о "Континенте" № 28 ("Русская Мысль" № 3384) пишет так: "Статья В. Чалидзе "Сахаров и русская интеллигенция" говорит об оппозиционно настроенных интеллектуалах по отношению к любой власти, начиная с времен Александра Первого". Но откуда взялось утверждение, что интеллектуалы непременно чурались государственных дел? Ведь знать и была цветом российской интеллигенции и участвовать в государственных делах почитала для себя честью и заслугой. Он же отмечает, что В. Чалидзе "вновь и вновь повторяет все ту же ошибку многих историков, философов, ставит знак равенства между авторитаризмом и тоталитаризмом". Замечу от себя: Чалидзе идет в форватере Пайпса и ему подобных

очернителей прежней России.

Никакой однородности у интеллигенции не было, как это хочет представить Пайпс. Ее можно разделить на две группы: на интеллигенцию лояльную к власти и почвенную, которая не чуралась Запада и в большинстве своем желала реформ, но никак не в революционном, а в эволюционном порядке. И на революционно-социалистическую, оторвавшуюся от народа и государства и бредившую разрушением страны. К первой группе относятся верхи интеллигенции, наиболее ее образованная часть и ко второй — ее низы — образованщина. Философ Г. Федотов, повидимому, имел в виду именно эту вторую группу, предложив считать интеллигенцией специфическую группу людей, "объединенную идейностью своих задач и беспочвенностью своих идей". Эта группа выдвинула свой разрушительный лозунг — "чем хуже — тем лучше" и потому она была против всяких реформ — ибо они отдаляли дело революции и социализма. И по этой же причине были убиты Государь Александр Второй, П. А. Столыпин и министр внутренних дел Плеве, который разрешил организовать в Петербурге "Союз фабричных и заводских рабочих".

РОССИЯ: ПРЕДТЕЧА ТОТАЛИТАРИЗМА

Далее Шефтель пишет: "При Николае Первом была создана регулярная полиция (третье отделение императорской канцелярии), занимающейся политическими преступлениями, установлена была цензура и создан новый уголовный кодекс (1845 г.); Все это было прямым ответом на подрывную деятельность интеллигенции, начиная с 1825 г.. Статьи этого кодекса тщательно сравниваются Пайпсом с соответствующими по теме статьями советского уголовного кодекса 1927 и 1960 г.г., с целью доказать преемственность умственного полицейского склада в России независимо от природы режима". И далее Пайпс продолжает: "Этот тип законодательства и полицейские учреждения, после революции 1917 г. распространились через фашистскую Италию и нацистскую Германию на другие авторитарные страны в Европе и за океаном". Таким образом Пайпс дает нам совершенно неожиданное и простое решение о происхождении тоталитаризма в мире: все дело в "первородном грехе" российского уголовного кодекса 1845 г. и ничего больше. А как, собственно, распространялись эти учреждения он не объясняет.

Сравнивать российское уголовное законодательство с советским можно только по глупости или по злонамеренности, что в данном слу-

чае вернее. В Советском Союзе, вследствие широкого народного сопротивления, 6 сентября 1918 г. был издан декрет о Красном Троре, который действует и до сих пор, жестоко преследуя верующих и вообще инакомыслящих, а неправые закрытые суды служат только для его прикрытия и обмана собственного народа и заграницы. Созданные для осуществления этого декрета ЧК-ГПУ-КГБ истребили дворянство, духовенство, частично крестьянство и даже целые группы населения, как казаков, калмыков и т.д.. Было ли что-нибудь хоть отдаленно похожее в России при благочестивых императорах?

Пайпс пишет "Преображенский приказ был, повидимому, первым учреждением, созданным, чтобы заниматься специально и исключительно политическими преступлениями". М. Шефтель, прежде всего отмечает это "повидимому", и далее пишет, что в то же самое время мы находим политическую полицию во Франции при Д. Арженсоне. "А не было ли ее еще где-нибудь — в Вене, в Риме?" Но поисками Пайпс не хочет заниматься, хотя поиски и сравнения первое дело историка.

У Пайпса, пишет М. Шефтель, "много преувеличений и они подлежат исправлению. В дореволюционной России никого нельзя было подвергнуть принудительному труду в административном порядке: обычно при поступлении в университет не требовалось никакого аттестата о благонадежности; по закону 1881 г. вмешательство в политику частных лиц не каралось законом".

Относительно "бюрократической полицейской системы" Шефтель пишет, что реформы Александра Второго не были отменены Александром Третьим... Независимые суды остались, земства остались, известная терпимость к критике государственной власти существовала (либеральная пресса) и была полная защита собственности. Нет, это не было полицейское государство, как возвестил Пайпс. К тому, что сказал Шефтель, надо прибавить, что было проведено еще два исключительно важных закона: 5 октября 1906 г. — закон об уравнении крестьян в гражданских правах с другими сословиями и целый ряд мер по улучшению их материального положения; 23 июня 1912 г. последовал закон о страховании рабочих, о котором президент Тафт отозвался как о лучшем законе о рабочих во всей Европе того времени. Где же тут подготовленный царской властью "полицейский режим" для советского террора?

И Шефтель пишет: "Лучше было бы Пайпсу последовать за его уважаемым наставником, профессором М. М. Карповичем, который считал (и мнение его гораздо более достоверно), что даже в период самой высшей мощи, царское самодержавие не было ни идеократией, ни диктатурой, ни тоталитарным полицейским государством" ("Разрушение иллюзий", "Новый Журнал" № 18, 1948 г.)

В заключение Марк Георгиевич Шефтель говорит, что "отрицательный взгляд на Россию существует с 16-го столетия и был значительно усилен вследствие коммунистического преобразования государственного устройства и русской культуры, причем возник большой соблазн — провести черту почти непрерывной преемственности от "Белого царства к Красному". Но... "необходимо устоять от всех соблазнов при изучении истории во имя правды".

М. Шефтель кончает ссылкой на профессора Карповича, который предупреждал против упрощенного под-

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ

Нам пишут из Франкфурта:

Здесь вышла из печати книга "Император Николай Павлович и его эпоха". Ее автор М. Н. Залевский, участник борьбы против большевиков в годы Второй Мировой войны во вступительной статье написал, что работа над этим трудом, он руководствовался желанием очистить память об императоре Николае Первом, загрязненную либералами и социалистами, красными и розовыми историками и литераторами. "Представляя мозаичный портрет императора Николая Первого, — пишет М. Н. Залевский, — надеюсь, что читатели поверят многочисленным свидетелям и воздадут должное рыцарю-императору, человеку по душе и характеру истинно рускому, любившему свое отечество и свой народ, отдавшему им все свои помыслы, всю недюжинную энергию".

Среди свидетельств, которыми насыщена книга Залевского выделяются слова М. С. Лалаева и В. А. Маклакова. Первый писал: "Пусть пензурные стеснения, особенно после 1848 года, описываются нам мрачными красками, однако, постановка на сцене таких пьес, как "Горе от ума" и "Ревизор", по личному приказанию Государя, указывает на широкую его терпимость в деле критики общественных и даже правительственных нравов".

Маклаков же констатировал в своих воспоминаниях: "Монархические чувства в народе были глубоко заложены. Не даром личность Николая Первого в широкой среде обывателей не только не вызвала злобы, но была предметом благоговения... Это был настоящий государь".

ИРАНСКИЕ МОНАРХИСТЫ

Нам пишут из Парижа:

Журнал "Пари-Матч" опубликовал фотографию группы замаскированных людей, проходящих полувоенную подготовку во Франции. Это иранские монархисты, желающие вернуть персидский трон сыну покойного шаха. Они занимаются так-

хода к русской истории и "особенно против пренебрежения другими толкованиями, согласно которым в России преобладало рабство, а свобода". ("Разрушение иллюзий").

Я. ТЕЛЬНОВ

ПРИМЕЧАНИЕ. Многие считают, что Российская Империя устояла бы в 1917 г., не будь войны, но вот, профессор М. С. Бернштам пишет мне, что он нашел некоторые германские документы, недавно опубликованные во Франции и получил новые интересные публикации из Советского Союза, плюс собственные догадки, которые приводят его к выводу, что февральская революция, как и октябрьская, финансировалась тоже извне и была сделана организацией Парвуса, во главе которой стоял Стеклов (Нахамкес). Ньюйоркский "Новый Журнал" это открытие профессора Бернштама поместить отказался.

Я.Т.

же распространением их печатного органа "Свободный Иран", засылают на родину кассеты с пропагандными текстами и налаживают связи с единомышленниками, как в пределах самого Ирана, так и в свободном мире. Их начальник утверждает, что на него несколько раз покушались сторонники Хомейни, но "не важно, ведь не Реза нуждается в нас. Это мы, иранский народ, нуждаемся в его руководстве".

БЕЛЫЕ И ПОЛЬША

Нам пишут из Парижа:

Русские политические эмигранты принимали участие почти во всех мероприятиях, организованных во Франции в поддержку душимого генералом Ярузельским польского народа. В частности, 19 декабря, когда тысячи жителей французской столицы отозвались на призыв архиепископа Парижского и заполнили Собор Парижской Богоматери, вместе с польскими и французскими знаменами развеялся и русский трехцветный флаг. На богослужении особенно выделялись представители Русского Обще-Воинского Союза и члены Организации Русских Православных Разведчиков.

На следующий день в расположенном в центре Парижа польском соборе его настоятель отметил в своей проповеди присутствие в переполненном до отказа храме представителей русских воинских и молодежных организаций и обратился к молящимся с просьбой не смешивать советский режим ни с польским народом, ни с русским.

Затем, после полудня около Эйфелевой башни состоялась необычная для Парижа антикоммунистическая демонстрация французских школьников, в которой также участвовали представители русской молодежи.

В воскресенье 27 декабря в соборе Св. Александра Невского при огромном стечении народа был отслужен молебен о даровании мира Польше и ее населению.

И СМЕХ И ГРЕХ...

В магазине:

— Девушка, взвесьте мне килограмм правительственной селедки!

— Это какая такая, правительственная?

— А вот та — без головы.

РАДИО "СВОБОДА"

Нам пишут из Парижа:

Издательство Робер Лаффон выпустило новую книгу Владимира Буковского под названием "Эта щемлящая боль свободы". В ней, в частности, Буковский сообщает, что Вашингтонское Бюро по радиовещанию — организация, официально управляющая мюнхенской радиостанцией "Свобода" — регулярно выпускает некое "Политическое руководство". По словам Буковского, там "какой только чепухи нет. И что тон дикторов, оказывается, не должен быть слишком злобный, и что не нужно отвечать советской пропаганде, не нужно ее опровергать, не нужно склонять людей к бегству из СССР, не нужно подстрекать их к бунту против властей, а ежели такой бунт, не дай Бог, случится сам по себе, то нужно стараться успокоить советское население и уж ни в коем случае не давать советов..."

Спрашивается: чем тогда передачи радио Свобода отличаются от московского радио? "Занятно — ухмыляется Буковский — что радиостанция с названием Свобода, призванная научить бедных русских демократии, установила у себя политическую цензуру. То есть, борясь за демократию, американцы почему-то этой демократии не доверяют".

Следом, Владимир Буковский сообщает, что к настоящему моменту годовой бюджет радиостанции достиг астрономической цифры в 94 миллиона долларов (стоимость че-

НАША СТРАНА

ОРГАН РУССКОЙ
МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Телефон Редакции: 52-7426.

Статьи, подписанные фамилией или инициалами, не обязательно всегда полностью выражают мнение редакции. Редакция не отвечает за содержание публикуемых объявлений, сообщений и иных документов, исходящих от учреждений или частных лиц. Редакция не возвращает присланные ей материалы и не вступает в переписку по поводу неприятых для печати рукописей.

Цена номера газеты, посылаемой воздушной почтой: Австралия — 0,80 австралийских долларов; Германия — 1,80 немецких марок; Италия — 900 лир; Парагвай — 100 гварани; США — 0,80 долларов; Франция — 4,40 франков; Чили — 30 пэсо. Все остальные страны — 0,80 долларов США.

Цена номера газеты, посылаемой простой почтой: Аргентина — 5000 пэсо; Франция — 4 франка; США и все остальные страны — 0,75 долларов. Почтовые переводы, чеки и Монеи Ордер просьба посылать на имя редактора и по адресу Редакции, указанному на первой странице.

тырех бомбардировщиков), и все равно этих денег не хватает для ее эффективного действия. "Да если бы американский конгресс просто давал эмигрантам из СССР хотя бы одну пятую этого бюджета, Советский Союз уже трещал бы по швам", утверждает Буковский.

НЕ УМНЫЕ ВЫПАДЫ

Нам пишут из Мюнхена:

В № 23 издающегося здесь "Голоса Зарубежья" его издатель В. Пирожкова выступила против прославления Новомучеников Российских — выпад особенно неуместный в силу того, что сама-то она вероисповедания не православного, а католического.

В том же журнале с самыми непристойными и крайне глупыми нападками на И. Л. Солоневича сорвался В. Кобылин.

Напомним, что еще к своей книге об Императоре Николае Втором, в остальном бы и непредусудительной, В. Кобылин приделал окончание с выражением идеи, что мол восстановление монархии невозможно и нежелательно и попутно лягунул всех, кто такого восстановления смел бы желать и за него бороться.

СЕРГЕЙ ЖАРОВ

Нам пишут из Нью Йорка:

Конгресс Русских Американцев включил в основанную им "Палату Славы" основателя и руководителя известного хора донских казаков Сергея Жарова. Жаров присутствовал на торжестве в полной форме донского казака и в сопровождении группы кубанских казаков, тоже в форме. Были получены приветствия от американского президента Рональда Рейгана, М. Ростроповича, Г. Вишневецкой, изобретателя телевидения В. Зворыкина и целого ряда эмигрантских организаций, а муниципальный совет Лейквуда, в котором проживает С. А. Жаров, постановил считать его почетным гражданином города.

Протоиерей АЛЕКСАНДР КИСЕЛЕВ

... ПАМЯТЬ ИХ ИЗ РОДА В РОД

ТО, ЧТО НАДО ЗНАТЬ, СОХРАНИТЬ, ДОНЕСТИ

Прочтя эту книгу Вы станете как бы свидетелем того духовного состояния, в котором неотступно пребывали члены Царской Семьи во время своего заключения. Такая великая и священная возможность открывается нам благодаря тому, что сохранилась одна из книг духовного содержания, которую, находясь в ссылке, они с собой возили, которую до последних дней своих читали и на страницах которой подчеркивали особенно близкие им места. При чтении этих подчеркнутых мест пред всеми раскрывается внутренний мир сделавших эти заметки.

ЭТО ПОТРАСАЮЩИЙ ДОКУМЕНТ!

Другие три главы настоящей книги посвящены Великой Княгине Елизавете Феодоровне, Храму-Памятнику в Брюсселе и Великому Князю Николаю Николаевичу.

В книге много фотографий, из коих некоторые печатаются впервые.

Цена книги — 8 долларов.

Просим заказы адресовать:

St. Seraphim Foundation
322 West 108 Street
New York, N.Y. 10025. U.S.A.